

Научная статья

УДК 340.5

doi: 10.17223/22253513/58/7

Биолого-социальные чрезвычайные ситуации: правовой и социальный аспекты

Сара Кимадиевна Идрышева¹, Людмила Викторовна Сокольская²

¹ Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева,
Астана, Республика Казахстан, isk.80@mail.ru

² Государственный гуманитарно-технологический университет,
Орехово-Зуево, Россия, cokol4512@yandex.ru

Аннотация. С помощью логического, формально-юридического и сравнительно-правового методов исследуются социальные и правовые проблемы, возникающие во время биологических катастроф в Казахстане и России, повлекших значительные социальные последствия. Анализ действующей нормативной базы этих стран выявил отсутствие четкого определения биолого-социальных чрезвычайных ситуаций в законодательстве, что привело к значительным проблемам в регламентации взаимоотношений в период пандемии. Введение санитарно-эпидемиологических мер спровоцировало социальные проблемы в мире, а также негативно отразилось на психоэмоциональном состоянии жителей данных стран. Результаты исследования позволили авторам работы разработать рекомендации по дальнейшему развитию законодательной базы с целью оптимизации управления социальными аспектами в периоды биологических катастроф.

Ключевые слова: право, пандемия, чрезвычайная ситуация, биолого-социальная чрезвычайная ситуация, социальное напряжение

Для цитирования: Идрышева С.К., Сокольская Л.В. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации: правовой и социальный аспекты // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 58. С. 91–102. doi: 10.17223/22253513/58/7

Original article

doi: 10.17223/22253513/58/7

Biological and social emergencies: legal and social aspects

Sarah K. Idrysheva¹, Lyudmila V. Sokolskaya²

¹ University named after M.S. Narikbaev (JSC KAZGUU), Astana,
Republic of Kazakhstan, isk.80@mail.ru

² State Humanitarian and Technological University,
Orekhovo-Zuevo, Russian Federation, cokol4512@yandex.ru

Abstract. The relevance of this problem is due to the fact that in most countries, legal regulation of emergencies (hereinafter referred to as ES) does not foresee scenarios for the global spread of infectious diseases that threaten public health. Typically, only natural and man-made emergencies are distinguished. An analysis of the current

regulatory frameworks of Russia and Kazakhstan revealed the lack of a clear definition of biological and social emergencies in legislation, which has led to significant gaps in the regulation of relationships during a pandemic. In studying the psychological and social problems arising during a pandemic, general scientific methods of scientific inquiry, such as the logical method, analysis, and synthesis, were applied. Regulatory legal acts of Russia and Kazakhstan regulating social relations during a pandemic were analyzed using formal legal and comparative legal methods.

The study revealed that the global pandemic has exposed shortcomings in the regulation of social relations at the legislative level, including restrictions on movement, self-isolation, suspension of communication services, unequal access to routine medical care and social government services for various categories of citizens (primarily paid PCR testing), and others. All of the above factors are related to social factors and have negatively impacted the emotional and psychological well-being of citizens in Russia and Kazakhstan, causing social tension in society.

The authors of this study offer a number of recommendations for improving Russian and Kazakh legislation and legal education of the population, in particular:

- a detailed classification of emergency situations, taking into account their causes and scale, must be established in the regulatory framework;
- the state regulatory act declaring an emergency must specify that the management of the epidemic situation will be carried out by the Chief Sanitary Doctor or epidemiologist (if such a position is provided for in the state);
- all restrictive measures must be reviewed by parliament or a court within 30 days of their introduction. Established restrictions may only be in effect for the period necessary to achieve the epidemiological objective and cannot be used for other purposes;
- terminology in the legal regulation of emergency situations must also be standardized, taking into account international documents.

The development of these proposals for mitigating social conflicts during the pandemic can reduce the destructive impact of adverse social tensions, the spread of coronaphobia, false information, and psycho-emotional distress.

Keywords: law, pandemic, emergency, biosocial emergency, social tension

For citation: Idrysheva, S.K. & Sokolskaya, L.V. (2025) Biological and social emergencies: legal and social aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 58. pp. 91–102. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/58/7

Введение

Прежде чем исследовать причины социального напряжения в период пандемии, необходимо выяснить, как закреплено понятие биологого-социальной чрезвычайной ситуации в национальном законодательстве России и Казахстана. Исследование действующей законодательной базы, технической документации и научной литературы показало, что в большинстве стран правовое регулирование чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) не предусматривает сценариев глобального распространения инфекционных заболеваний, угрожающих здоровью населения. Как правило, выделяют только природные и техногенные ЧС. Небольшая группа экспертов включают в классификацию экологические, биологические и смешанные биологово-социальные ЧС, к которым причисляют эпидемии и пандемии [1. С. 9–10].

Опыт перенесенной пандемии коронавируса вынудил государственную власть некоторых стран внести определенные корректировки в действовавшее ранее законодательство в сфере ЧС. Например, в Кыргызской Республике чрезвычайные ситуации по характеру их проявления подразделяются: на ЧС природного характера; ЧС техногенного характера; ЧС конфликтного характера, ЧС экологического характера; ЧС биологического и социального характера [2]. При этом с учетом изменений 2022 г. в числе оснований ЧС биолого-социального характера на первом месте указана массовая инфекционная заболеваемость, эпидемия и пандемия. Федеральным законом от 01.04.2020 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» в легальное «определение чрезвычайной ситуации было внесено дополнение о том, что основанием возникновения ЧС является распространение заболевания, представляющего опасность для окружающих. К сожалению, в казахстанском законодательстве данное основание не внесено в соответствующие законодательные акты и соответственно общественные отношения, сложившиеся в связи с пандемией, не урегулированы и даже не обозначены на законодательном уровне» [3. С. 56]. Более подробно анализ казахстанского законодательства по вопросу регулирования правовых отношений в период пандемии авторами данной статьи проведен в исследовании, опубликованном ранее [3].

В Российской Федерации действует ГОСТ Р22.0.04-95 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения»¹. Уже из названия данного документа вытекает, что еще с 1995 г. официально было признано существование биолого-социальной ЧС, под которой следовало понимать «состояние, при котором в результате возникновения источника биолого-социальной чрезвычайной ситуации на определенной территории нарушаются нормальные условия жизни и деятельности людей, существования сельскохозяйственных животных и произрастания растений, возникает угроза жизни и здоровью людей, широкого распространения инфекционных болезней, потеря сельскохозяйственных животных и растений» [4]. Согласно ГОСТу, биолого-социальная чрезвычайная ситуация подразумевает наличие заболевания, представляющего серьезную угрозу либо широко распространенного среди населения, домашних животных и растительности. Однако в российском законодательстве отсутствуют законодательные и подзаконные нормативные акты, регулирующие подобные ситуации.

Методология исследования

В процессе проведения исследования была изучена отечественная и зарубежная научная литература по юриспруденции [5, 6], психологии [7, 8] и

¹ ГОСТ Р22.0.04-95 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения». URL: <http://municipal.garant.ru> (дата обращения: 15.09.2025).

социологии [9], в которой обозначены отдельные социальные факторы, негативно влияющие на социальную напряженность и эмоциональное состояние личности в период пандемии коронавируса. Воздействие биологических катастроф на личность и ее психоэмоциональное состояние рассмотрено в работах Б. Андраде, С.К. Брукс, Р.К. Вебстер, Н. Кобуччи, К. Лима, Ф. Сильва, Л.Е. Смит и др. [10]. Результаты проведенной психодиагностики эмоционально-волевой сферы людей, находившихся в чрезвычайных ситуациях биологического-социального характера, мы находим в работах Л. Жуковой, О.И Мироновой, Е.С. Першковой, V.Saladino, D. Algeri, V. Auriemma и др. [7, 11–13].

При исследовании психолого-социальных проблем, возникающих в период пандемии, были применены такие общенаучные методы научного познания, как логический метод, методы анализа и синтеза. Посредством формально-юридического, и сравнительно-правового методов анализировались нормативные правовые акты России и Казахстана по регулированию общественных отношений в период пандемии.

Результаты исследования

В опубликованных источниках научной литературы представлены результаты социологических исследований отдельных групп населения в период пандемии COVID-19 и выявлены важнейшие социальные причины возникновения тревожности и психоэмоционального напряжения [14]. Среди них были названы такие причины, как «общественные конфликты на фоне необходимости эпидемиологических ограничений и принудительной вакцинации; объем негативной информации, транслируемой через СМИ, социальные сети и другие источники; изменения в работе привычных сервисов и служб; социальное дистанцирование, вызванное принудительной самоизоляцией и локдауном» [7. С. 195].

Более того, многие ученые подчеркивают, что влияние пандемии на личность имеет как непосредственные последствия, проявившиеся сразу с начала пандемии, так и отдаленные, которые проявляются по прошествии некоторого времени [7]. Например, психологи подчеркивают, что социальное дистанцирование, вызванное изоляцией и карантином, провоцирует социальное напряжение и вызывает чувство беспокойства и напряженности. Как верно отмечает Т.А. Нестик, «люди лишились необходимой эмоциональной поддержки из-за невозможности физического контакта с родными и близкими» [15]. Поэтому не только при помощи технических средств, но и на законодательном уровне желательно продумать расширение сферы бесконтактной социальной коммуникации (сотовая связь, интернет, телекоммуникации и т.д.), а не ограничивать ее, что, несомненно, окажет положительное влияние на психоэмоциональное состояние граждан России и Казахстана. Вместе с тем следует учитывать, что одновременно с расширением и углублением сферы бесконтактной коммуникации возрастает поток негативных сообщений через средства массовой информации на онлайн-платформах.

Международные организации, такие как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), ввели новый термин «инфодемия» – ситуацию переизбытка данных и быстрого распространения ложной информации, будь то сообщения, фото или видео. Чтобы эффективно бороться с инфодемией и предотвращать её последствия, требуется создание экспертных групп в каждом регионе, состоящих из профессионалов, которые смогут разоблачать ложные сведения и предоставлять населению проверенные данные. Уже сегодня в законодательных актах предусмотрены механизмы противодействия дезинформации в период эпидемий, а также установлена ответственность за распространение заведомо ложных или недостоверных сведений. Например, внесены изменения в ст. 13.15 КоАП РФ, вступившие в силу в 2020 г. Теперь самостоятельным составом административного правонарушения считается публикация в средствах массовой информации и сети Интернет сведений об угрозе жизням и безопасности людей. Юридические лица несут ответственность за это деяние посредством штрафа – от полутора до трех миллионов рублей, возможную конфискацию изъятого предмета правонарушения (ст. 10.1 ч. 1 ст. 13.15 КоАП РФ). В случае, если распространение недостоверной информации о подобных событиях привело к гибели человека, нанесению ему телесных повреждений или материального ущерба, возникновению беспорядков или угрозе общественной безопасности, размер штрафа для компаний возрастает до пяти миллионов рублей (ст. 10.2 ч. 1 ст. 13.15 КоАП РФ). Помимо этого, публичная демонстрация заведомо ложной информации, представляющей социальный интерес, также влечет наказание.

Распространение недостоверной информации, создающей опасность для людей и их имущества, теперь квалифицируется как преступление (ст. 207.2 Уголовного кодекса), подобно публикации ложных данных о событиях, угрожающих жизням и безопасности населения (ст. 207.1 УК РФ). Изучив нормы российского и казахстанского законодательства, касающиеся урегулирования прав и свобод личности, исследователи обнаружили ряд правовых противоречий. Согласно общепринятым нормам, ограничения прав и свобод допускаются исключительно на основании закона и только в случаях, когда это требуется для обеспечения стабильности государства, поддержания порядка, защиты прав других лиц, а также здоровья и моральных ценностей общества (ст. 39 Конституции Республики Казахстан (далее РК) и 55 Конституции Российской Федерации). Важно отметить, что действия, принимаемые во время режима чрезвычайного положения, не должны нарушать обязательства по международным соглашениям в сфере прав человека (так называемые Сиракузские принципы).

В Российской Федерации ограничение прав и свобод человека и гражданина регламентируется на законодательном уровне. В Казахстане это осуществляется на уровне подзаконных правовых актов главных государственных санитарных врачей. Так, в ст. 104 Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» закреплено, что в случае

распространения на территории РК паразитарных и инфекционных заболеваний Главные государственные санитарные врачи вводят ограничительные мероприятия, вплоть до карантина, а также проведение обязательной вакцинации населения. Однако в Указе Президента РК от 15 марта 2020 г. о введении в стране чрезвычайного положения в качестве уполномоченного государственного органа по введению запретов и ограничений не была указана должность Главного государственного санитарного врача¹. А в специальном законе «О чрезвычайном положении» только комендант местности, назначаемый президентом, может осуществлять единичное управление силами и средствами, обеспечивающими режим чрезвычайного положения². Но в период пандемии не был назначен комендант ни в одном из городов либо районов государства. Данное обстоятельство также оказывало влияние на социальную обстановку, на психологическое состояние населения в части негативного восприятия решений Главного санврача об ограничении конституционных прав.

Вопрос об обязательном вакцинировании при пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией, явился камнем преткновения в обществе. Идея всеобщей обязательной вакцинации стала властвовать во многих государствах, хотя научно выверенных и апробированных результатов применения различных вакцин и их эффективности у человечества не имелось, а санитарные службы предлагали только небольшой перечень противопоказаний для вакцинирования. Всё это вызывало недоверие населения к принудительной вакцинации. Ситуация осложняется тем, что в законодательстве некоторых стран прослеживается явное несоответствие между нормами закона и подзаконного акта, которое пока не разъяснено уполномоченным органом власти. К примеру, из правил осуществления ограничительных мероприятий, включая карантин, на территории Республики Казахстан (от 21 декабря 2020 г.) исключено «требование о проведении обязательной вакцинации населения согласно перечню заболеваний, против которых проводятся профилактические прививки»³. Согласно ст. 85 нового Кодекса «О здоровье народа и системе здравоохранения РК», порядок «проведения спорных профилактических вакцинаций четко определен: все физические лица, по-

¹ О введении чрезвычайного положения в Республике Казахстан. Указ Президента Республики Казахстан от 15 марта 2020 года № 285. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000285> (дата обращения: 09.09.2025).

² О чрезвычайном положении. Закон Республики Казахстан от 8 февраля 2003 года № 387. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000387> (дата обращения: 09.09.2025).

³ Об утверждении правил осуществления ограничительных мероприятий, в том числе карантина, и перечень инфекционных заболеваний, при угрозе возникновения и распространения которых вводятся ограничительные мероприятия, в том числе карантин. Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 21 декабря 2020 года № КР ДСМ-293/2020. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/search/docs/ddt=2020-12-21&fulltex> (дата обращения: 18.10.2023).

стоянно находящиеся на территории Республики Казахстан, обязаны получать обязательные профилактические прививки против инфекционных заболеваний (п. 4)» [3. С. 62].

В Казахстане еще одной проблемой в правовом регулировании чрезвычайных ситуаций и чрезвычайного положения является существенный терминологический недостаток в наименованиях и понятийном аппарате законодательных и подзаконных актов. В законах «О гражданской защите» и «О чрезвычайном положении» такие понятия, как «чрезвычайная ситуация» и «чрезвычайное положение», несмотря на разницу в определениях, содержании и последствиях, обозначаются единым термином «тәтенше жағдай» [9]. Это порождает двусмысленность в отношении их целей и задач, усложняет восприятие сути этих правовых актов и требует обращения к русскоязычным документам для корректного толкования. Для решения этой проблемы предлагаем ввести специальные термины «тәтенше жағдай» для обозначения чрезвычайного положения и «тәтенше ахуал» для чрезвычайной ситуации, что позволит устраниć путаницу при их применении.

Тесная связь недостатков правового регулирования с негативными социальными последствиями прослеживалась в трудовых отношениях. В частности, в Казахстане практиковались массовые отправки работников в так называемые неоплачиваемые отпуска без их согласия. Между тем Трудовой кодекс РК не содержал такого термина; имеется термин «отпуск без сохранения заработной платы» (ст. 97). Кроме того, даже названная статья не содержит таких оснований так называемого неоплачиваемого отпуска, как «эпидемия», пандемия» или «карантин». Ни индивидуальными трудовыми договорами, ни коллективными договорами такая ситуация не была в то время предусмотрена. В целях социальной защиты населения была введена выплата в размере 42 500 тенге при потере дохода из-за карантина. Однако данное вроде бы позитивное решение правительства вызвало огромное количество жалоб на несправедливый отказ в выплатах, в том числе из-за несовершенства цифровых систем и правовых пробелов, недостатков деятельности местных и центральных уполномоченных органов. В России подобным образом актами Президента РФ были введены так называемые нерабочие дни, которые не относились ни к выходным дням, ни к отпускам, но работодатели были обязаны сохранять заработную плату за такие дни.

В Российской Федерации население негативно воспринимало применение жестких ограничений на передвижение (обычный выход из дома, запреты на общение с родственниками, коллегами и др.), потому что Президентом РФ в то время не было объявлено ни чрезвычайное положение, ни чрезвычайная ситуация. Даже среди профессиональных юристов возникали вопросы о том, имеют ли субъекты Федерации право ограничивать свободу передвижения граждан без введения федерального ЧП или ЧС?

В Казахстане же режим ЧП был вначале объявлен согласно закону на 30 дней, затем Указом Президента был продлен до 11 мая 2020 г. Но вопреки ожиданиям населения ограничительные меры в связи с окончанием чрезвычайного положения не прекратились, а, наоборот, были продолжены. При

этом образовался правовой вакуум: ЧП отменено, далее никакого нормативного правового акта о продолжении ограничений в режиме хотя бы ЧС не вводилось, но запреты по реализации всеми субъектами имущественных и личных неимущественных прав были продолжены. Логично, что социум также негативно реагировал на сложившуюся ситуацию.

В европейских странах и США население реагировало на локдауны и иные чрезмерные ограничения их конституционных прав многочисленными обращениями в суды. В странах СНГ, в том числе России и Казахстане, такой практики почти не было. Однако вместе с тем массовый переход судебных заседаний в онлайн-режим повлек такие же массовые нарушения конституционных прав граждан на судебную защиту. Дело в том, что суды практически не готовы были повсеместно проводить дистанционные судебные заседания, техническое оснащение многих судов не позволяло проводить полноценные процессы; процессуальные кодексы не содержали норм о порядке проведения удаленных судебных процессов, аprobации такого опыта нигде не проводилось. Данное обстоятельство вызвало у большинства членов социума еще больше недоверия к деятельности судов и чувство правовой незащищенности.

Недостаток общественного обсуждения установленных государством ограничительных мер в период карантина и самоизоляции, а также растущие затраты на содержание персонала во время периодов вынужденного простоя и введенные санитарными службами ограничения стали еще одной причиной негативного влияния на психоэмоциональное состояние людей. В связи с этим можно порекомендовать гражданам осознанное и умеренное потребление информации о ходе пандемии и принятых противоэпидемиологических мерах, обращение за консультацией к надежным специалистам, а также проведение планомерной разъяснительной работы среди населения.

Исследователи справедливо утверждают, что в период биосоциальных кризисов крайне важно обеспечить достаточно высокий уровень правовой грамотности относительно введения ограничительных мер, поскольку подобные ситуации охватывают фактически все сферы жизнедеятельности граждан. Например, методические рекомендации, разработанные учеными Б.С. Ордobaевым и К.А. Бороновым «Чрезвычайные ситуации. Классификация и правила поведения», где детально рассмотрены различные типы ЧС, изложены меры безопасности и рекомендации по поведению населения [16]. Своевременное и систематическое просвещение людей относительно способов снижения социальной нестабильности во время эпидемии поможет ограничить разрушительное воздействие пессимистических мнений, возникновение страха перед пандемией, распространение ложной информации и психоэмоциональных переживаний.

Заключение

На основе вышеизложенного можно сформулировать вывод о том, что мировая пандемия выявила недостатки в регулировании общественных отношений на законодательном уровне, включая неравный доступ к плано-

вой медицинской помощи и социальным госуслугам для различных категорий граждан, например преимущественно платного ПЦР-тестирования и др. Эти причины относятся к социальному фактору и негативно отразились на эмоциональном, психологическом состоянии граждан России и Казахстана, вызвали социальное напряжение в обществе.

Следующими причинами, препятствующими результативности противодействия социально-биологическим ЧС, в отчете ВОЗ указываются недостаточный потенциал национальной системы в части предотвращения, обнаружения и нейтрализации угроз здоровью граждан, неполное исполнение государствами своих договорённостей согласно Международным санитарным правилам (2005), в особенности относительно подготовки к подобным событиям, что повлекло за собой продолжительное развитие пандемии COVID-19 как масштабного международного кризиса в сфере здравоохранения [4].

Авторы данного исследования предлагают ряд рекомендаций по улучшению российского и казахстанского законодательства, а также правового просвещения населения.

В нормативно-правовой базе необходимо закрепить детальную классификацию чрезвычайных ситуаций, учитывающую причины возникновения и масштаб. Такая структурированная система позволит более четко регламентировать особенности каждой чрезвычайной ситуации, устанавливая компетенции задействованных служб, закрепляя права и ответственность как простых людей, так и организаций, а также определяя перечень и способы использования возможных ограничений. Внесение положений о биологических и смешанных ЧС в правовые акты поможет избежать неточностей и противоречий в регулировании. Для более полного понимания и восприятия населением данного вида ЧС или ЧП можно назвать их «чрезвычайная эпидемическая ситуация/положение», а в нормативном правовом акте государства об их введении обязательно указывать, что управление эпидемической ситуацией/положением будет осуществляться Главным санитарным врачом либо эпидемиологом (если такая должность предусмотрена в государстве). Кроме того, в Законе о ЧП/ЧС предлагаем ввести норму о том, что такие ЧС либо ЧП могут вводиться на основании заключения главного государственного эпидемиолога/санитарного врача и при наличии объективных эпидемиологических критериев.

Полагаем, что все ограничительные меры должны быть обязательно рассмотрены парламентом либо судом в течение 10 дней с момента введения. Установленные ограничения могут действовать только в период, необходимый для достижения эпидемиологической цели, и не могут использоваться для иных целей.

Если сохраняются требования к перемещению людей, власти обязаны разрабатывать решения, опирающиеся на принципы равенства и учитывающие обстоятельства, дабы минимизировать негативное воздействие на экономику, социальную сферу и психологическое состояние граждан. При планировании постепенного снятия ограничений необходимо стимулировать

совместные усилия различных сторон для снижения социальной несправедливости, информировать население понятными и стабильными советами, а также регулярно оценивать эффективность принимаемых решений. В случае объявления ЧП и после его прекращения обязательно в том же нормативном правовом акте указать на сохранение ЧС либо полной отмене ЧП и ЧС.

Для обеспечения согласованности с международными стандартами желательно привести в соответствие используемые термины в области законодательства об управлении чрезвычайными ситуациями и стихийными бедствиями. В целях повышения ясности и точности правового определения предлагается оперативно скорректировать обозначения понятий «чрезвычайная ситуация» и «чрезвычайное положение» во всех нормативных правовых актах Республики Казахстан на государственном языке, принятых как на законодательном, так и на подзаконном уровне.

Усиливающееся общее негативное влияние стрессовых факторов, включая пандемию, обусловило повышенную значимость мониторинга психологического состояния населения и поиска эффективных методов поддержки его ментального благополучия. Предложения авторов статьи, направленные на урегулирование социальных разногласий в условиях пандемии, способны уменьшить негативные последствия социального напряжения, а также ограничить распространение страха перед пандемией, дезинформации и психоэмоциональных нарушений.

Список источников

- 1 Жаворонкова Н.Г. Эколого-правовые проблемы обеспечения безопасности при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера. М. : ИД «Юриспруденция», 2007. 168 с. URL: <http://www.cawater-info.net/bk/dam-safety/files/javoronkova.pdf> (дата обращения: 08.10.2023).
2. Классификация чрезвычайных ситуаций и критерии их оценки в Кыргызской Республике (в ред. постановления Кабинета Министров КР от 19 июля 2022 г. № 391). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/12747?cl=ru-ru> (дата обращения: 18.10.2023).
3. Идрышева С.К., Сокольская Л.В. Институт биолого-социальной чрезвычайной ситуации в законодательстве России и Казахстана // Lex russika. 2024. Т. 77, № 8. С. 54–64.
4. Межгосударственный стандарт «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200009375> (дата обращения: 15.09.2025).
5. Идрышева С.К., Сокольская Л.В., Валентонис А.С. Этические и правовые дилеммы, возникающие в период биолого-социальных чрезвычайных ситуаций // Евразийский юридический журнал. 2023. № 11. С. 460–462.
6. Дикин А.Б., Тринитка Д.Г. Этические и правовые дилеммы эпохи глобальной пандемии // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 3 (13).
7. Миронова О.И., Першкова Е.С. Социально-психологические факторы возникновения тревожности у работников образовательных учреждений в период пандемии // Психология и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 195–211. doi: 10.17759/psylaw.2022120415 (дата обращения: 18.10.2023).
8. Васильева А.В. Психические нарушения, связанные с пандемией COVID-19 (международный опыт и подходы к терапии) // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. № 120 (9). С. 121–129.

9. Телжан В. Социально-психологические последствия карантинных мер в период пандемии COVID-19 // Психология жэне социология сериясы. 2022. № 1 (80). С. 140–146.
10. Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E. The psychological impact of quarantine // Lancet. 2020. Vol. 395. P. 912–920. doi: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8
11. Greenberg N., Docherty M., Gnanapragasam S., Wessely S. Managing mental health challenges faced by healthcare workers during covid-19 pandemic // BMJ. 2020. № 36 (8). P. 1211. URL: <https://doi.org/10.17116/jneviro2020120091121>
12. Saladino V., Algeri D., Auriemma V. The psychological and social impact of Covid-19: new perspectives of well-being // Frontiers in psychology. 2020. № 11. P. 3–7.
13. Жукова Л. Психологические аспекты экстремальных ситуаций: медицинская психология. URL: <https://psylaser.ru/lectures/medical-psychology/extreme-situations.html> (дата обращения: 18.10.2023).
14. Ali M., Kundra S., Alam M.A., Alam M. Investigating stress, anxiety, social support and sex satisfaction on physical education and sports teachers during the COVID-19 pandemic // Heliyon. 2021. Vol. 7. doi: 10.1016/j.heliyon.2021.e07860
15. Нестик Т.А. Психологические последствия пандемии и ресурсы жизнеспособности в условиях глобальных рисков // Психологическая газета. 29.04.2022. URL: <https://psy.su/feed/9098/> (дата обращения: 18.10.2023).
16. Ордobaев Б.С., Боронов К.А. Чрезвычайные ситуации. Классификация и правила поведения. Бишкек : Эль Элион, 2017. 218 с.

References

1. Zhavoronkova, N.G. (2007) *Ekologo-pravovye problemy obespecheniya bezopasnosti pri chrezvychaynykh situatsiyakh prirodnogo i tekhnogenennogo kharaktera* [Ecological and Legal Problems of Ensuring Safety During Natural and Technogenic Emergency Situations]. Moscow: Yurisprudentsiya. [Online] Available from: <http://www.cawater-info.net/bk/dam-safety/files/javoronkova.pdf> (Accessed: 8th October 2023).
2. The Kyrgyz Republic. (2022) *Klassifikatsiya chrezvychaynykh situatsiy i kriteriev ikh otsenki v Kyrgyzskoy Respublike (V redaktsii postanovleniya Kabinet Ministrov KR ot 19 iyulya 2022 goda № 391)* [Classification of Emergency Situations and Criteria for Their Assessment in the Kyrgyz Republic (As amended by the Resolution of the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic No. 391 of July 19, 2022)]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/12747?cl=ru-ru> (Accessed: 18th October 2023).
3. Idrysheva, S.K. & Sokolskaya, L.V. (2024) Institut biologo-sotsial'noy chrezvychaynoy situatsii v zakonodatel'stve Rossii i Kazakhstana [The Institute of Biological and Social Emergency Situations in the Legislation of Russia and Kazakhstan]. *Lex russika*. 77(8). pp. 54–64.
4. The Russian Federation. (n.d.) *Mezhgosudarstvenny standart "Bezopasnost' v chrezvychaynykh situatsiyakh biologo-sotsial'nye chrezvychaynye situatsii. Terminy i opredeleniya"* [Interstate Standard "Safety in Emergencies. Biological and Social Emergencies. Terms and Definitions"]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/1200009375> (Accessed: 15th September 2025).
5. Idrysheva, S.K., Sokolskaya, L.V. & Valentonis, A.S. (2023) Eticheskie i pravovye dilemmы, voznikayushchie v period biologo-sotsial'nykh chrezvychaynykh situatsiy [Ethical and Legal Dilemmas Arising During Biological and Social Emergency Situations]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 11. pp. 460–462.
6. Didikin, A.B. & Trinitka, D.G. (2022) Eticheskie i pravovye dilemmы epokhi global'noy pandemii [Ethical and Legal Dilemmas of the Global Pandemic Era]. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya*. 3(13).
7. Mironova, O.I. & Pershkova, E.S. (2022) Sotsial'no-psikhologicheskie faktory vzniknoveniya trevozhnosti u rabotnikov obrazovatel'nykh uchrezhdeniy v period pandemii [Socio-Psychological Factors of Anxiety Among Educational Institution Employees During the Pandemic]. *Psichologiya i parvo*. 12(4). pp. 195–211. doi: 10.17759/psylaw.2022120415

8. Vasilyeva, A.V. (2020) Psikhicheskie narusheniya, svyazannye s pandemiy COVID-19 (mezhdunarodnyy opyt i podkhody k terapii) [Mental Disorders Associated with the COVID-19 Pandemic (International Experience and Treatment Approaches)]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova.* 120(9). pp. 121–129.
9. Telzhan, V. (2022) Sotsial'no-psikhologicheskie posledstviya karantinnykh мер v period pandemii COVID-19 [Socio-Psychological Consequences of Quarantine Measures During the COVID-19 Pandemic]. *Psichologiya zhane sotsiologiya seriyasy.* 1(80). pp. 140–146.
10. Brooks, S.K., Webster, R.K., Smith, L.E., et al. (2020) The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *The Lancet.* 395. pp. 912–920. doi: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8
11. Greenberg, N., Docherty, M., Gnanapragasam, S. & Wessely, S. (2020) Managing mental health challenges faced by healthcare workers during covid-19 pandemic. *BMJ.* 368. Art. m1211. doi: 10.1136/bmj.m1211
12. Saladino, V., Algeri, D. & Auriemma, V. (2020) The psychological and social impact of Covid-19: new perspectives of well-being. *Frontiers in Psychology.* 11. Art. 577684. doi: 10.3389/fpsyg.2020.577684
13. Zhukova, L. (n.d.) *Psichologicheskie aspekty ekstremal'nykh situatsiy: meditsinskaya psichologiya* [Psychological Aspects of Extreme Situations: Medical Psychology] [Online] Available from: <https://psylaser.ru/lectures/medical-psychology/extreme-situations.html> (Accessed: 18th October 2023).
14. Ali, M., Kundra, S., Alam, M.A. & Alam, M. (2021) Investigating stress, anxiety, social support and sex satisfaction on physical education and sports teachers during the COVID-19 pandemic. *Heliyon.* 7(8). Art. e07860. doi: 10.1016/j.heliyon.2021.e07860
15. Nestik, T.A. (2022) Psichologicheskie posledstviya pandemii i resursy zhiznesposobnosti v usloviyakh global'nykh riskov [Psychological Consequences of the Pandemic and Resilience Resources in the Context of Global Risks]. *Psichologicheskaya gazeta.* 29th April. [Online] Available from: <https://psy.su/feed/9098/> (Accessed: 18th October 2023).
16. Ordobaev, B.S. & Boronov, K.A. (2017) *Chrezvychaynye situatsii. Klassifikatsiya i pravila povedeniya* [Emergency Situations. Classification and Rules of Conduct]. Bishkek: El' Elion.

Информация об авторах:

Идрышева С.К. – доктор юридических наук, профессор Департамента частного права Университета КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева (Астана, Республика Казахстан). E-mail: isk.80@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3473-3395>

Сокольская Л.В. – кандидат юридических наук, декан юридического факультета Государственного гуманитарно-технологического университета (Орехово-Зуево, Россия). E-mail: cokol4512@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8419-007X>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.K. Idrysheva, University named after M.S. Narikbaev (JSC KAZGUU) (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: isk.80@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3473-3395>

L.V. Sokolskaya, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private Law, State Humanitarian and Technological University (Orekhovo-Zuevo, Russian Federation). E-mail: cokol4512@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8419-007X>

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.09.2025;
одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 09.12.2025.*

*The article was submitted 17.09.2025;
approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 09.12.2025.*